

Мельников Александр Владимирович,
Студент магистратуры
Удмуртский государственный университет

ЗАРОЖДЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ ГРУППОВОГО ИСКА

Аннотация. В статье рассматривается эволюция группового иска от его зарождения до современных процессуальных форм в континентальной Европе и России.

Ключевые слова: Групповой иск, эволюция процессуальных институтов, история возникновения, защита прав неопределенного круга лиц.

Институт коллективных исков имеет глубокие исторические корни в Западной Европе, его истоки прослеживаются еще в римском праве, когда существовали так называемые народные иски (*actiones populares*). Эти иски могли быть поданы любым лицом, заинтересованным в защите общественных интересов от имени всего общества. Например, иск мог быть подан против того, кто представлял угрозу общественной безопасности, поместив объект, способный упасть на улицу [1]. Позднее, развитие процессуальной науки в Европе, вызванное практическими потребностями, привело к четкой регламентации судебной защиты прав значительного числа граждан, чьи интересы были нарушены.

Анализируя доступные источники, можно предположить, что английские суды впервые столкнулись с проблемой представительных производств (*representative proceedings*), традиционно используемых для рассмотрения групповых исков в Великобритании, еще в XII веке. Согласно сведениям Н.Г. Елисеева, в 1199 году священник Мартин подал иск против прихожан Натемстеда, касавшийся его прав на пожертвования. Иск был направлен не против конкретной корпорации или отдельных лиц, а против группы лиц, идентифицированной как "прихожане" (*the parishioners*). В XIII веке трое сельских жителей, действуя от своего имени и от имени жителей селения Хелпингем, подали иск против жителей города Допингтон. Предметом иска было взыскание расходов на ремонт дамбы, поскольку ответчики отказались от участия в необходимых ремонтных работах [2]. Анализ подобных фрагментов судебной практики показывает, что феодальные суды Англии рассматривали суть заявленных требований, не оспаривая право на подачу иска. Это объясняется особым юридическим статусом судей, которые имели полномочия формулировать правовые позиции и создавать правовые нормы, даже при необычном составе участников спора. В историческом контексте британские суды, олицетворяя судебную власть и действуя независимо, уравнивали законодательную и исполнительную власть, что способствовало Общественному равновесию.

В настоящее время пункт 19.6 Правил гражданского судопроизводства 1998 года, принятых британским парламентом, содержит достаточно полное, насколько это возможно при традиционном казуистическом подходе, описание признаков представительского иска. Это описание позволяет охватить различные ситуации нарушения прав большого числа лиц. Оно гласит: "Если более чем одно лицо имеет общие интересы по делу, разбирательство может быть начато; или суд может предписать, чтобы разбирательство было продолжено одним или более лицами против одного или более лиц, имеющих общие интересы и выступающих в качестве представителей любых других лиц с такими же интересами" [3]. Однако, на текущем этапе развития английского права, появилась возможность разделять случаи нарушения прав нескольких лиц (*representative parties*) и групповые процессы (*group litigation*). Последние рассматриваются на основании специального постановления суда (*group litigation order*), которое должно определять спорные вопросы, позволяющие объединить требования в одну группу, предусматривать создание реестра группы, предписывать приостановление рассмотрения индивидуальных исков, касающихся спорных вопросов, относящихся ко всей группе лиц, и т.д.

В Российской Федерации правовая концепция коллективных исков еще находится на стадии формирования, и лишь недавно предпринята попытка выстроить комплексное процессуальное законодательство для защиты интересов значительного числа лиц. Однако эти нововведения коснулись только арбитражного процессуального права, ограничивая применение групповых исков сугубо сферой экономических споров, где сторонами обычно выступают юридические лица и индивидуальные предприниматели.

В науке гражданского процесса на протяжении длительного времени продолжают дебаты относительно соответствия процессуальной деятельности, направленной на защиту интересов третьих лиц, принципу диспозитивности и общей допустимости такого представительства. С одной стороны, сам факт защиты одним субъектом прав другого, осуществляемый вне рамок формального представительства и от собственного имени, может рассматриваться как противоречие основополагающему положению о том, что судебной защите подлежит лишь нарушенное субъективное право конкретного заявителя. Тем не менее, некоторые исследователи лишь констатировали существующее правовое регулирование, не придавая ему, по всей видимости, существенного значения, утверждая, что «Истец должен быть носителем защищаемого им права. Это право должно принадлежать ему. Защищать чужое право истец может лишь в тех специальных случаях, когда право защиты данным истцом чужого права предусмотрено в законе» [4].

В научной литературе предпринимались попытки интерпретировать действия субъектов, перечисленных в части 1 статьи 42 ГПК РСФСР (соответствует части 1 статьи 46 ГПК РФ), через призму института представительства. Например, А.А. Мельников утверждал, что отличительной чертой указанной категории участников процесса от представителей является лишь то, что «право на предъявление иска дано им не стороной спорного материального правоотношения, а законом». По мнению исследователя, подобно представителям, эти лица «все другие процессуальные права, связанные с распоряжением материальным правом... могут иметь только в результате передачи им таких прав стороной» [5]. Однако очевидно, что инициирование процесса от собственного имени по своей сути исключает отнесение «заявителей иска» или «организаций-заявителей» к категории представителей [6]. Более того, представляется, что процессуальное положение этих лиц выходит далеко за рамки простого представительства, поскольку их действия имеют самостоятельные правовые последствия, особенно когда они выступают от своего имени для защиты неопределенного круга лиц.

В то же время, не вызывает сомнений, что деятельность заявителей иска и представителей сторон может проявлять определенное фактическое, но не юридическое сходство, которое наглядно прослеживается при участии указанных лиц в процессе доказывания. Как отмечается, «Представитель может вводить в исследуемый круг обстоятельств факты, считая их основанием иска (возражений), требовать принятия к рассмотрению доказательств, обеспечения возможности их исследования, принимать участие в исследовании доказательств, предлагать варианты их оценки и т.д.» [7].

Исходя из вышеизложенного, наиболее обоснованным и перспективным видится понимание заявителей иска как субъектов, обладающих охраняемым законом интересом, подлежащим судебной защите. Как подчеркивает М.В. Филатова, «государство, признавая существование значимых интересов за пределами субъективных прав, предоставляет им прямую защиту, до опосредования их в субъективных правах» [8]. Таким образом, «в механизме правового регулирования общественных отношений защита законных интересов выполняет функцию обеспечения реальности их существования в правовой среде» [9].

В целом, до существенного обновления гражданского законодательства и проведения рыночных преобразований в экономике в 1990-е годы XX века, в науке отсутствовал единый подход к порядку предъявления исков в защиту прав и интересов других лиц. В настоящее время ощущается недостаточная проработка процессуального регулирования судопроизводства по групповым искам

Список литературы:

1. Римское частное право: Учебник / Под ред. Новицкого И.Б., Перетерского. -М.: Юристъ, 2000.
2. Елисеев Н.Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран: Учеб. – М.: ТК Велби; Изд-во Проспект, 2004.
3. Кудрявцева Е.В. Гражданское судопроизводство Англии. – М.: Городец, 2008.
4. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные отношения. – Саратов: Изд-во Саратовского юридического института, 1965.
5. Мельников А.А. Правовое положение личности в советском гражданском процессе. -М.: Наука, 1969.
6. Викут М.А. Стороны – основные лица искового производства. – Саратов: Изд-во СГУ, 1968.
7. Юдельсон К.С. Проблема доказывания в советском гражданском процессе. – М.: Госюриздат, 1951.
8. Филатова М.В. Процессуальные особенности защиты интересов неопределенного круга лиц на примере рассмотрения и разрешения исков о защите интересов неопределенного круга потребителей // Lex Russica. Научные труды Московской государственной юридической академии. 2004 – № 1.
9. Кляус Н.В. Законный интерес как предмет судебной защиты в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис.... канд. юрид. наук. – Новосибирск, 2007

